

18+

КИРА МЮРРЕЙ

**Комната
на семнадцатом этаже**

Кира Мюррей

Комната на семнадцатом этаже

«Издательские решения»

Мюррей К.

Комната на семнадцатом этаже / К. Мюррей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984850-5

Сборник рассказов о людях, которые пытаются справиться с одиночеством. Чей-то мир рухнул, кто-то потерял всех близких людей. А кто-то просто не для этого мира. А ещё те, кто пронёс воспоминания о ком-то через всю жизнь.

ISBN 978-5-44-984850-5

© Мюррей К.
© Издательские решения

Содержание

Двенадцать окурков	6
Я есть сегодня	12
От колыбели до могилы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Комната на семнадцатом этаже

Кира Мюррей

© Кира Мюррей, 2020

ISBN 978-5-4498-4850-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двенадцать окурков

Маргарита припарковала машину у обочины и, открыв окно, закурила. Дорога её лежала через парк, так что по правую руку от неё возвышались чудеса природы, по левую – шумный мегаполис. И эти два мира разделяла траса, на обочине, которой Маргарита остановила свою машину, которую гордо величала «ретро». Эта машина была подарком отца, а отцу машину подарил дед Маргариты.

Но женщина радовалась, что так все случилось. Она очень быстро привязывалась к вещам и бережно хранила их в памяти, не желая избавляться от них. Эта машина, в некотором роде, была символом её счастливого детства. Она повидала поколения. Она свидетель истории семьи.

Марго помнила, когда она была маленькая, она часто сидела в гараже отца, пока тот возился со своей «коробкой», как машину называла мать Маргариты. Но на самом деле ей тоже нравилось это наследие. Как блещат бока черной иномарки и как, садясь в неё, они как будто становятся героями зарубежного фильма. Отец менял детали и бережно следил за состоянием своей малышки. Старший брат Маргариты к машине относился лишь как к способу поднять свой авторитет в глазах девушек и это жутко раздражало отца, который хотел передать свое наследие старшему ребенку, тем более мальчику.

Когда Ренат стал юношей, по-щегоольски одетым и придерживающегося моды, он пару раз под покровом ночи уезжал на машине. После таких заездов салон пах его дешевой туалетной водой, один раз одеколоном, который он взял у отца, но не рассчитал и салон после пришлось проветривать пару дней к ряду. Все семейство морщило носы от приторного запаха дешёвых женских духов в салоне, а Ренат гордился собой, несмотря на подзатыльники отца.

Маргарите же никогда не нравилась модная напыщенность. Даже в бурные подростковые годы она не понимала желания девушек вылить на себя как можно больше духов, даже если запах откровенно не нравится. Не понимала их желание носить каблуки повыше, даже если ходить в них не умеют. И не понимала их желание побыстрее найти себе мужчину, который обязательно будет вызывать зависть у подружек.

Уже тогда солнечная картина детства начала рассыпаться пазлом под непреклонной действительностью. Ренат бросил школу, когда ему оставалось не больше полугода, и решил воплотить свою мечту – стать рок-звездой. Теперь у него появилась причина, чтобы выливать на себя дешёвую туалетную воду, курить горькие сигареты и развлекаться с девушками, у которых выпадали ключьями волосы от алкоголя и наркотиков.

Маргарита глубоко затянулась, а после выпустила облако дыма. В то время она не понимала Рената. Она была так счастлива пропадать с отцов в гараже, помогать матери на кухне и читать ночью книги, а Ренат обменивал все это на постоянные скандалы. Родители его не понимали, а тот не понимал их. Отец постоянно твердил о несбывшихся надеждах и ожиданиях.

Женщина выкинула окурков и закрыла окно. Она завела машину и продолжила движение. Ещё пять минут назад ей звонила Дарья, спрашивая, где она пропадает. С Дарьей они познакомились в университете и практически сразу же они сошлись из-за крепкой хватки и целеустремлённости. В институте они обе знали, что хотят и уверенно шли к своей цели, игнорируя побочные аспекты жизни, в отличие от Рената, который погружался в эти «побочные аспекты» с головой.

Дарья была уверенной в себе девушкой, которая поставила себе цель – карьера. В её характере были присущи мужские черты, но, несмотря на это, она не могла подружиться с мужчиной или, тем более, завести отношения. Мужчины бежали от неё, как от огня. И потому,

когда они стали соседками в общежитии, Маргарита практически ни разу не видела, чтобы Даша собиралась на свидание.

Маргарита была мягче, она не отпугивала своей силой. Она привлекала ей. И уже на третьем курсе смогла познать все прелести первой любви. Она влюбилась в молодого преподавателя, который стрелял глазами из-под стекл очков и зачесывал густые, темные волосы назад. Марго как сейчас помнит, его улыбку и как начинался их роман. Как они боязливо прикасались друг к другу, ездили в кафе на другом конце города, гуляли ночами по пустым улочкам, а потом как она не могла уснуть, вспоминая все это и представляя, что будет завтра.

Как только она закончила университет они тут же пошли расписываться, не желая ждать даже недели, чтобы организовать свадьбу. Они были слишком молоды и слишком безумно влюблены.

Маргарита подъехала к частному дому, тут же выпрыгивая из машины. Дверь распахнулась и из неё выбежала женщина её возраста. Дарья, несмотря на то, что зима уже вот-вот наступит выбежала в легком халате и тапочках, но казалось, она не чувствовала холода. Она распахнула руки, приглашая в объятия и Маргарита, улыбнувшись, обняла старую подругу. Она с какой-то обречённостью отметила появившиеся морщинки у глаз бывшей однокурсницы, её худобу и оживление.

– Не стой на пороге, – воскликнула Дарья, заводя её внутрь дома.

Там было тепло и Маргарита тут же скинула свое пальто, чувствуя, как на спине выступили капли пота, и шелковая блузка прилипла к коже.

– Что будешь? – выглянула из проема на кухню Дарья. – Вино? Шампанское? Мартини? – Мартини.

Дарья опять скрылась на кухне и, пока Маргарита медленно оглядывала помещение, та продолжала болтать, крича подруге с кухни. Маргарита практически ничего не могла разобрать, лишь отдельные слова.

В этот дом Дарья переехала не так уж давно, всего пару лет назад. Она утверждала, что тогда её жизнь пошла по удачному сценарию. Тогда она своими усилиями, постоянной работой, добилась повышения. Муж так же прозябал на работе, а дочь достаточно выросла, чтобы не разрываться между ней и работой.

Дарья выбрала себе в мужа такого же трудоголика как и она сама, но в отличии от Даши, ему нравилось периодически расслабляться и просто ничего не делать. Дарья не могла себе этого позволить, она постоянно находилась в движении. Возможно, поэтому она начала принимать N22. Это было самое первое название, которое сохранилось в медицинской сфере, в простонародье, конечно же, этому препарату придумали звучное и красивое название.

Дарья уже не помнила, как она познакомилась с будущим мужем, но Маргарита была уверена, что это было как-то связано с работой. Они практически не находились в отношениях, пару месяцев регулярных встреч, как по расписанию секс на третьем свидании, после по такому же расписанию через встречу. Они были в отношениях месяца три, после чего пришли к решению пожениться, а это было именно решение. Совместное и обдуманное.

Они не устраивали пышное празднество. Выделили на это все где-то пять часов в одну из суббот и чисто формально отпраздновали, пригласили парочку друзей и родственников, пару десятков коллег, а в понедельник вышли на работу.

– Как дела на работе? – Дарья села рядом и всунула Маргарите в руки стакан мартини.

– Все по-старому. Не против, если я закурю? – Дарья махнула на девушку рукой, давая позволение и сама взяла сигарету из пачки на столе.

Дарья откинулась на спинку темно коричневого дивана, закинув ногу на ногу. В одной руке она держала бокал, во второй подождённую сигарету и медленно затягивалась. Наступила минутная тишина, когда они просто дымили.

– А как у тебя?

– Очень много дел, – женщина струсила пепел. Её темные волосы немного выбились из прически, а полы халата слегка распахнулись, оголяя худое бедро.

– Ты похудела, – заметила Маргарита.

– Это все благодаря N22, – улыбнулась женщина. Её губы потрескались и это можно было заметить даже за толстым слоем помады. Глубокие трещины и сухая кожа, как у больных в больницах, – Сколько себя помню, всегда хотела скинуть парочку килограмм.

– Это все масс-медиа, – авторитетно кивнула Маргарита, отпив мартини и слегка откинулась на спинку, поставив локоть на подлокотник.

Дарья кивнула, соглашаясь.

– Это чудесное изобретение, если бы не оно я не знаю, как бы я справлялась. У меня появилось столько свободного времени. Такое чувство, что мы тратим больше половины жизни на бесполезные вещи.

Маргарита промолчала.

– Нам нужно составить новый рекламный проект, – Дарья затянулась, а после медленно выпустила дым, наблюдая как он поднимается к потолку и там рассеивается, – и никто не хочет работать. Они что-то делают только тогда, когда я слежу за ними. Я совершенно этого не понимаю. Им плевать на свое будущее?

– Не для всех работа на первом месте.

– Я не об этом, – Дарья поднялась и подлила себе в бокал ещё мартини, после взяла протянутый бокал Маргариты и долила в него тоже, – они совершенно ничего не делают. Это так раздражает. Они просто тратят время впустую. И это так глупо. Разлаживают какой-то пасьянс на компьютере, пока я не вижу, и думают, я не знаю, а как только видят меня, то сразу хватаются за что-то. И так изо дня в день. Разве не глупо?

Маргарита кивнула.

– Например ты, – Дарья опять села на диван, – для тебя работа не стояла в приоритете. Хотя в институте...

Голос женщины стал ностальгически-добрым, как будто она вспоминала давно минувшее, но до сих пор отзывающееся внутренним теплом.

– Да, – немного улыбнулась Маргарита, тоже вспоминая давние студенческие года и затянулась. Повисла недолгая пауза, пока она выдыхала дым, – помню, как мы ночами зубрили, пока остальные девчонки бегали по вечеринкам. Тогда я тоже хотела карьеру.

– Да, – Дарья закашлялась.

Вместе со всем её телом затрясся бокал с выпивкой и она поставила его на подлокотник, а сама немного поддалась вперед, пытаясь откашляться. На её глазах выступили слезы. Когда приступ удушьящего кашля прошел, она обессиленно откинулась обратно на спинку дивана и прикрыла глаза. На её лбу выступила испарина, шея была в маленьких бисеринках пота. Сосуды и вены на шее немного вздулись, а женщина тяжело дышала. Она заговорила и её голос был немного хриплым.

– Это все N22, моя врач говорит, что я злоупотребляю. Но это ничего. Это того стоит.

Маргарита кивнула. Она видела уже такие приступы, несмотря на то, что встречаются они с Дарьей не так уж и часто.

– Знаешь, а я рада, что мы не разошлись, несмотря на то, что я выбрала карьеру, а ты семью.

– Вышло как-то иронично, – глядя в свой бокал, сказала Маргарита и одним глотком допила содержимое. Она поднялась и подлила себе, – я выбрала семью и осталась только с работой. Ты выбрала работу и у тебя чудесная семья. Может быть, я выбрала неправильно?

– Не говорю глупостей, подлей мне ещё, тебе просто не повезло. Кто же знал, что все так случится? Это все та злополучная поездка.

– Я помню тот день, как сейчас, – сказала Маргарита, протянув бокал Дарье, – Работа и Н76 единственное, что мне помогает справиться. Это уже не так больно, ты же знаешь, как он работает... Но даже сейчас, когда вспоминаю, такое странное чувство... Как будто...

– Давай не будет о грустном. Мы так давно не виделись. Расскажи о чем-то хорошем.

– Давай лучше о тебе. Боюсь, ты заснешь с моим ритмом жизни.

Дарья рассмеялась и вскочила с кресла, она быстро пошла на кухню, прокричав, что хватит им что-то крепче.

– Мне кажется, у меня не было никогда столько сил, – прокричала Дарья, с кухни. Маргарита слышала звук открывшегося холодильника. Она встала с дивана и пошла к кухне вместе с бокалом, оперлась на дверной косяк бедром и принялась наблюдать за подругой. Та быстро суетилась по кухне и действительно выглядя полной сил. Но кости торчали как-то неестественно, халат висел на когда-то округлый бедрах, кожа стала сухой и дряблой, как-то в момент постаревшей, пудра на ней смотрелась дешёвым гримом, который вот-вот отпадет, – столько времени. Теперь я не понимаю, как можно каждый день тратить по десять часов, чтобы поспать. Только подумай! – воскликнула Дарья, подлетая к Маргарите, – мы тратим половину жизни на обычный сон. Это того не стоит. Может тебе тоже стоит начать принимать их?

– Не думаю, что это хорошая идея, – Маргарита слегка повела плечом. Ей стало жарко и она расстегнула несколько пуговиц рубашки, – думаю, тогда я умру от скуки. Мне совершенно некуда девать силы, энергию, время.

– Да, понимаю, – кивнула Дарья, упорхнув и доставая из морозилки лед, – Раньше ты тратила все свое время на Сашу и Гришу. Теперь, когда Саша мертва, пусть земля ей будет пухом, а этот козел тебя бросил у тебя, наверное, появилось много свободного времени.

Дарья всегда была бестактна, в некотором роде даже бесчувственной. Она забывала, что другим людям её слова могут принести страдания. К счастью, врач приписал Маргарите Н76 и эти слова не вызвали в ней практически никакого отклика, она просто знала, что не принимай она лекарства она почувствовала бы как что-то внутри обрывается.

– Как он вообще мог уйти от тебя к какой-то малолетке!? – возмущалась подруга, – Ты её видела?

– Да.

– И как она тебе?

– А как мне может быть любовница моего мужа, младше за меня практически в два раза?

Дарья громко рассмеялась, смех у неё тоже всегда был громкий и резкий. Иногда люди даже вздрагивали, услышав его.

– Глупый был вопрос, – Дарья наконец-то взяла ведро со льдом и бутылку чего-то крепче за маргини и села за стол на кухне. Маргарита села напротив и допила маргини. Дарья налила ей с новой бутылки, – Не понимаю его. Разве это не отвратительно? Эта малолетка практически одного возраста с Сашей. Насколько она младше была?

– В этом году ей должно было исполниться семнадцать.

– А ей сколько?

– Кажется, двадцать.

– Какой кошмар, – Дарья выпила из своего бокала.

– Ты ведь меня предупреждала. Говорила, что навсегда и счастливо не бывает. Что один разлюбит и найдет другого.

– Но я надеялась, что у тебя будет по-другому, – Дарья эмоционально ударила ладонью по столу и тут же поморщилась, принявшись рассматривать ладонь. Она сжимала кулак и разжимала, – В последнее время суставы ни к черту. Врач говорит, что нужно уменьшить дозу. Что мне нужно спать хотя бы четыре ночи в неделю. Но это так глупо!

– Да, глупо, – кивнула Маргарита.

– Ты бы тоже попробовала, – спрятав повреждённую и слегка дрожащую руку под стол, сказала Дарья. Маргарита сделала вид, что не заметила её манипуляций с рукой.

– Ты уже говорила. Это плохая идея. Тем более его нельзя смешивать с Н76. Н глушит эмоции, а N вызывает эмоциональный подъем.

– Я бы не сказала, – не глядя на подругу, закурила Дарья, она зажала сигарету зубами. Когда выпустила дым из легких она продолжила, – Я бы не сказала, что у меня эмоциональный подъем. Столько идей, столько мыслей. Много энергии и не нужно тратить время на сон и еду. Люди вокруг кажутся такими медленными и глупыми. Они не поспевают за мной.

– Или же твои мысли на самом деле не имеют связи между собой и поэтому они не могут их понять, – Маргарита вытащила сигарету с пачки Дарьи и тоже закурила.

Её подруга слегка раздраженно струсила пепел. Она всегда болезненно воспринимала критику, а сейчас, под воздействием препарата, она ещё болезненней реагировала на проявление критики или, когда в ней сомневаются.

– Извини, – поспешила Маргарита.

Дарья расслабленно махнула рукой, как бы говоря, что все нормально. Но Маргарита знала, что, если бы она вовремя не извинилась бы неизбежно последовал бы эмоциональный взрыв. Сейчас, когда она принимала N извинения, когда не чувствуешь себя виноватой, давались намного легче. Если не существует эмоций, не существует гордости, которую можно задеть. То, что N выключает все эмоции – это была страшная легенда о нем, когда он только появился. Не меньше двадцати лет назад. Сейчас все знали, что он глушит негативные эмоции, оставляя такие как радость, удивление, испуг. Но вместе страданий наступает безграничная темнота и пустота.

– Мне недавно звонил Ренат.

– Твой брат? – уточнила Дарья.

– Да. Говорил, что соскучился.

– Конечно, – скептически фыркнула Дарья. – Он, кажется, подцепил что-то от одной из своих? Вот и звонит тебе. Денег хочет, чтобы дальше развлекаться, пока не подох.

Маргарита безразлично покачала головой. В районе солнечного сплетения что-то на долю секунды сжалось – это все, что осталось от когда-то болезненных эмоций.

– Не заразился. Кажется, у него рак или что-то такое.

– Не имеет значения, – махнула рукой Дарья, – Ты разве не понимаешь? Он просто хочет воспользоваться твоей добротой. Сколько ему сейчас? Под сорокет? Странно, что он ещё не подох где-то как бродячая псина. Такие отбросы помирают рано.

– Понимаю.

– О чем говорили?

Маргарита пожала плечами, вновь затянувшись, делая короткий перерыв и сортируя мысли. Она не говорила с Ренатом, до недавнего разговора, несколько лет. До этого он звонил, чтобы сказать, что умирает. Что болезнь медленно его убивает. Он не просил денег, а Маргарита не предлагала. Тогда она была ещё счастлива и возможно помогла бы, но места Ренату в её счастливой жизни не было.

– Та не о чем. Поговорили минут пять о делах и все.

– Пойдешь на его похороны? Хотя я думаю, что может он вообще не болен. Может, сидит на чем-то и сказал тебе так, чтобы ты ему дала денег на это. Ты же знаешь этих наркоманов.

– Я бы все равно не дала.

– Ну и правильно.

Дарья допила бокал виски и была уже довольно пьяной. С её нынешним весом и вечным отсутствием еды в желудке, она пьянела очень быстро. Потому говорила довольно громко и слегка растягивала слова, бурно жестикулируя. Маргарита не была настолько пьяной, потому помогла перебраться на диван подруге и села рядом, допивая свой виски и доливая по бокалам.

Дарья откинулась на спинку дивана, казалось, ей физически тяжело держать голову.

– Как у тебя с семьей? – подтянув к себе ноги, спросила Маргарита.

– Скоро мой муженек должен будет прийти, – прокряхтела Дарья, пытаясь устроиться удобней, ухмыляясь.

– Он не будет против, что я у вас?

– Что? Нет, конечно. Думаешь, ему какое-то дело есть?

Маргарита пожала плечами.

– А Оля где? Сколько ей уже?

Родила Дарья лишь после того, как несколько лет побыла в браке. Её беременность не стала причиной, чтобы покинуть работу и она позволила себе сидеть дома лишь тогда, когда до родов оставалось не больше нескольких недель. И даже находясь дома она не покидала работу. Постоянно проверяла почту, была на телефоне, который включила на максимальный громкость звонка. Когда родилась Оля, самая обычная девочка, Дарья побыла дома несколько месяцев и за это время, казалось, впала в отчаяние. Для неё сидеть с ребенком оказалось сущим Адом. И потому она наняла няню, а сама, с облегчением, вновь пропадала на работе сутками.

– Десять уже, – Дарья сделала большой глоток виски. – Не знаю в кого она такая. Вечно в своей комнате сидит, на улицу не выгонишь. С людьми почти не говорит. Мне кажется, я её голос уже забыла.

– Может к психологу?

– К школьному уже ходила, – Дарья пьяно говорила громко, а глаза её были слегка прикрыты, – сказала, что нормальный ребенок. Но что она знает? Я ведь мать. Я вижу. А та заладила нормально и нормально. Не получается вообще на неё повлиять. Учится на тройки, на уроках не отвечает. Ничего не хочет.

Наступила тишина, в которой Дарья пыталась, как будто пыталась успокоить расшатавшиеся нервы и усмирить злость на собственного ребенка.

– Знаешь иногда я думаю, а зачем я вообще ребенка заводила? Может нужно было как с первой беременностью. Просто сделать аборт.

– Уже поздно об этом думать.

– Да, поздно. Но знаешь, иногда она просто выводит из себя. Понять не могу, что с этим ребенком. Вот тебе с Сашкой повезло. Как сейчас помню. Такая улыбочивая девочка, всегда душа компании.

– Ну, все, хватит, – успокаивающе протянула Маргарита, наблюдая то, как Дарья пытается обнять свои ноги, неловко подтягивая их к себе. Голос у неё уже стал еле слышный, а с рук вот-вот должен был вывалиться бокал. Глаза у женщины слипались, – Давай сюда.

Маргарита легко разжала пальцы и вытащила бокал, там оставалось немного и она допила одним глотком, после поставила его на столик. Дарья молчала, а взгляд её был мутный, как будто она уже была во сне. Маргарита закурила, глядя на свою подругу, почему-то в районе солнечного сплетения опять что-то сжалось. Наверное, нужно проверить желудок и меньше курить, подумала Маргарита. Она докурила и уложила несопротивляющуюся подругу. Та была легкой, совсем как Саша в детстве, и как только легла на спину тут же перевернулась на бок, сворачиваясь клубочком.

Маргарита провела рукой по волосам и пошла к выходу, оставив потушенный окурок в полной пепельнице. Застегнула пальто, замерла на секунду вслушиваясь в тишину дома, и пошла к своей машине. Ей было так хорошо, где-то внутри больше ничего не сжималось, как будто догорело, как окурок в пепельнице, было абсолютно пусто. Больше она не хотела, чтобы её что-либо когда-либо заполняло.

Я есть сегодня

Молодой мужчина поднимался по ступенькам подъезда. Воняло затхлостью и пылью и он с грустью наполнял этим запахом легкие. Медленно скользил взглядом по стенам, с облупившейся краской, по пыльным ступенькам.

Он не был в этом подъезде практически год и теперь ему казалось, что он вернулся в прошлое. Он вспоминал, как когда он был ещё мальчишкой, он взбегал по ступенькам вместе с дворовыми друзьями и просил у мамы попить или же отпрашивался ещё погулять. Она строго упирала рука в бока, но потом все же разрешала, вдогонку крича, чтобы гуляли они не долго.

Отец в это время читал газету или же смотрел телевизор. Виталику он казался таким взрослым, таким сильным и мужественным. Его отец был для него примером для подражания, настоящим мужчиной. С большими, мозолистыми руками и множеством историй, которые он с удовольствием рассказывал. У отца был громкий смех и когда он улыбался или смеялся возле глаз появлялись лучики-морщинки. Виталику он казался недостижимо высоким и сильным. Его отец был настоящим трудягой и часто ремонтировал что-то дома. Тогда Виталик сидел рядом на корточках, положив ладони на колени, а на них подбородок и с интересом наблюдал. Тогда отец начинал рассказывать, как и что правильно делать.

Он был из тех, кто мог дать подзатыльник, если сын говорит не слишком уважительно с ним или матерью. Но, несмотря на это, Виталик его обожал. Отца он любил больше, чем мать и в детстве ему было за это ужасно стыдно.

Ему часто прилетали подзатыльники по вине Женьки и тогда он ужасно сердился на своего младшего брата. Он понять не мог, зачем родители решили завести ещё одного ребенка.

Он сердился, что ему приходилось следить за младшим братом. А особенно он злился, когда родители говорили взять Женю с собой к друзьям.

Виталик казался себе до ужаса взрослым и думал, что сидеть с Женей, который был младше на три года, для него зазорно. Ему было стыдно брать его к друзьям, а если все же уступал родителям, то вместе с друзьями над ним подшучивал.

Женя был плаксой, и они постоянно на него так называли. Сейчас Виталий понимает, что брат всего лишь был беззлобным по своей натуре. Он не понимал такой забавы, что была постоянной у мальчишек, как задиранье других детей.

От того он больше времени проводил в одиночестве. Но ему нравилось играть в песочнице и вылезать на деревья. За это Виталик на него сердился ещё больше. Он пыхтел и бывало бросал небольшой камешек или веточку, даже не целясь в брата. Женька сидел подолгу на деревьях и взирал оттуда на всех, как сторонний наблюдатель. Часто в это время он обрывал спелые вишни или абрикосы, в зависимости от того, на какое дерево залезал. Он обтирал абрикосы об футболку и хрустел фруктом, а после распихивал их по карманам.

Родители запрещали ему лазить по деревьям и даже отдали строгое распоряжение Виталику, чтобы он следил. Но чтобы родители не делали, Женя все равно забирался на дерево и сидел там подобно птичке по несколько часов, любопытно разглядывая, как другие дети играют. Казалось, ему нравится быть наблюдателем жизни, а не участником её. И этого Виталик, от природы шумный и веселый, тоже понять не мог.

А ещё Женька постоянно приносил домой уличных животных. А когда ему не разрешали оставить находку он начинал плакать взахлеб, прижимая найденыша к груди, размазывая по покрытому светлыми веснушками лицу слезы и сопли,

Только, когда он подрос, он прекратил свои попытки оставить кого-то дома и просто подкармливал бродяжек.

Виталик поднялся на ещё один этаж, схватившись за периллы. Те были покрыты пылью и он отдернул руку. Хотел вытереть её об пальто, но он остановил этот порыв, пытаясь не прикасаться рукой к дорогой ткани.

В подростковые времена он часто сидел с друзьями в подъезде на грязных и оплётанных ступеньках. Тогда его не волновала чистота одежды. Они громко смеялись, запугивая детей, плевали на ступеньки через щель между передними зубами и разбрасывали кучи мусора. Они считали себя крутыми и девчонки их возраста и немного младше думали так же. А вот родители ничего не понимали, как он себе говорил, и пытались доказать ему, что он не прав. Но он продолжал громко материться, специально, чтобы все слышали, какой он потрясающий, курить дешёвые сигареты, прятать потом их в самый низ шкафчика, и пить дешёвое пиво.

Он немного улыбнулся, чувствуя, как уши начинают гореть от стыда. Ему было совестно за те времена. Он сидел на этих ступеньках и обнимал девчонок, которые неумело, но вызывающе красились, от них был слишком сильным запах туалетной воды, и они жались к нему грудью, но та ещё не выросла до желанных размеров и они напихивали в лифчики то ли носки, то ли трусы.

Виталик потер лицо раскрытой ладонью, не прекращая улыбаться, остановившись. Было и стыдно и приятно вспомнить те времена, сейчас было смешно от своего поведения.

Отец, в то время, часто его лупил. Разумеется, за дело. А он потом уходил в свою комнату громко топая и всем своим видом показывая бунт, хлопал дверью и валился на кровать. Женька мышкой проскальзывал в его комнату, чтобы обнять и успокоить. Но Виталик каждый раз на него шипел и отталкивал, ведь он был слишком крутым, чтобы поддаться этим телячьим нежностям.

Он продолжал дразнить своего брата за покладистый характер, а ещё он по подростковому ревновал и сердился из-з того, что Жене от отца совсем не достаётся. Он даже подзатыльники Жене не отвешивал. В то время Виталик был убеждён, что отец любит младшего больше, но потом, конечно же, он понял. На Женю такой воспитательный метод не подействовал бы, тем более на него попросту не могла подняться рука, так сильно он моментами напоминал мать. А его большие ангельские глаза, казалось светились чем-то вземным и волшебным. Женька часто помогал матери на кухне, пока Виталик развлекался с друзьями, а отец даже не пытался приобщить младшего к «мужским» обязанностям.

Казалось, с тех пор прошло так много и одновременно так мало времени. Теперь Виталик совсем другой. Некоторые его друзья, со времен бурной юности, последовали по похожему пути. Тоже нашли работу, тоже стали полностью самостоятельными. Некоторые продолжали изображать из себя крутых парней, считая, что Виталик и ему подобные просто поддались обществу и предали их верную дружбу. Дружбу, которая носит прайс «бутылка водки».

Виталий остановился возле знакомой двери. Металлической, внизу несколько темных полос, уже порядком обшарпанная, но все такая же надежная. Он нажал на кнопку звонка, слыша такую знакомую мелодию. Он помнит, как раньше всегда Женька шел открывать, бурча себе под нос. Мама суетилась, накрывая на стол, а отец гордо восседал или на диване, или во главе стола.

Женька распахивал дверь, слегка щурясь. У него было отличное зрение, потому никто понять не мог, откуда взялась такая привычка. На нем, обычно, была свободная футболка, русые волосы были растрёпанными, а на прямом носу все ещё виднелись милые веснушки. Виталик просто обожал эти веснушки и часто щелкал брата по носу, тот хватался за поврежденное место, скорее от неожиданности, и возмущался.

Дверь распахнула улыбающаяся мать, в теплом халате с закатанными рукавам и в пушистых тапочках. Воспоминания были такими яркими и такими живыми, что Виталику казалось, что он видел Женьку воочию и на секунду стало все неправильно. Уже не было как раньше,

но это чувство смылось волной радости от встречи с матерью. Он втянул её в свои объятия, а мама забавно запричитала, что нужно хоть в дом зайти.

Виталик вырос и теперь мама над ним не возвышалась, а была ниже едва ли не на две головы. Ростом и телосложением он пошел в отца от того он часто возвышался над людьми. Мама же была хрупкой и невысокой. В Женьке явно больше её генов. Он постоянно надувался, становясь похожим на хомяка, когда Виталик называл на него мелким, но поспорить не мог. Ещё шесть лет назад, когда Виталику было только двадцать, а Жене семнадцать он возвышался над ним на целую голову.

Виталий зашел в дом и за ним захлопнулась дверь, та всегда была жутко громкой. Навстречу вышел отец. Он все так же ярко улыбался, но лицо покрылось усталыми морщинами. Щетина приобрела проседь, как и коротко стриженные волосы. Отец уже не был таким мощным, каким его помнил Виталик, он немного сутулился, а кожа стала дряблой. Мышцы уже не бугрились.

Отец похлопал его по плечу, по-доброму улыбаясь.

– Ах, какой красавец, – говорила мать, поворачивая Виталика то в одну сторону, то в другую.

Молодой мужчина громко рассмеялся, смех у него был, как и у отца в молодости, – раскатистый и громкий.

– Только посмотрите на него, – щебетала женщина, – вылитый папа в молодости.

– Мать, что ты его на пороге держишь, – мужчина приобнял свою жену за плечи, – проходи. Мать уже на стол накрыла.

– Какое хорошее, – продолжила щебетать мать, пока мужчины её семьи глядели на неё, улыбаясь. Она стащила с сына пальто и принялась его разглядывать и щупать, перед тем как повесить на вешалку, – дорогое, наверное.

– Та нет, не особо, – заверил мать Виталик, наклонившись, расстегивая ботинки.

Наконец-то он снял ботинки и родители повили его в квартиру. Мать сказала, чтобы он шел мыть руки, а она пока в тарелки все насыплет и подпихнула его вперед по коридору. Виталик немного улыбнулся, качнув головой, делая шаг вперед, а потом глянул назад, бросив взгляд на убегающую мать. Пусть отец и сказал, что на стол уже накрыто, наверняка ещё минут пятнадцать мать будет суетиться. То салфетки принесет, то тарелки решит другие поставит, то выставит какие-то сладости, то уберет их. Отец же будет сидеть во главе стола, дожидаясь пока все наконец-то сядут, негромко вздыхать.

Так происходит каждый раз и такие моменты превращаются в теплые и светлые воспоминания. Именно за таким скучаешь особенно сильно. Он услышал, как отец начал ворчать, говоря, что не к чему все это, и пошел вперед.

Ванная комната была в самом конце ярко освещенного коридора. Справа расположились две плотно закрытые двери. Одна в его комнату, другая в Женину, а в самом конце, возле ванной, комната родителей. На стене висели фотографии – их мать когда-то мечтала стать фотографом, а также она ужасно сентиментальна. Она любила рассказывать истории с их детства и до сих пор хранила их детскую одежду, в некоторую она их одевала, когда они были ещё младенцами. Эта одежда лежала в отдельной коробке и иногда мама её доставала и с умиленной улыбкой разглядывала крошечные носочки и чепчики.

Виталик приостановился, глядя на стену. На первой фотографии ему было лет пять. Они всей семье собрались на старом диване, а на стене висел ковер. У мамы была прическа в стиле девяностых, а папа ещё по-юношески задорно улыбался. Виталик сидел между ними, на диване, Женя сидел на коленях матери и не смотрел в объектив. Его полностью увлекла прядь волос мамы, и он сжимал её в маленьком кулачке, внимательно разглядывая.

На второй Виталику было десять или девять. Он уже начал вытягиваться и был жутко нескладным. Большая голова, тонкая шея и торчащий нос. Он стоял с Женей по пояс в снегу, и брат вцепился в его руку.

Тринадцать, а потом пятнадцать. Он помнит, как не хотел фотографироваться. Жене, наоборот, нравилось и он пытался уговорить брата. В конечном итоге они сфотографировались, но Виталик выглядел недовольным, а родителей это только смешило.

Семнадцать. На этой фотографии болезненно сжалось сердце. Это был его выпускной, Виталик наконец-то закончил школу и теперь перед ним открывался совершенно другой мир. Семнадцать. В семнадцать он начал жить по-другому.

На фотографии он радостно улыбался, а вечером этого дня он напился так, как не напивался до этого ни разу. Он едва смог приползти домой. Родители, к удивлению, его не ругали, вздыхали лишь и следили, чтобы ему не стало плохо.

Он был тогда ещё совсем ребенком, почти совершеннолетний, но он не понимал, как самостоятельно принимать решения и отвечать за них. Он только начинал понимать себя.

Он бросил быстрый взгляд вперед и в горле встал ком. Осталось совсем немного до пустой стены, где нет больше фотографий.

На следующей ему было восемнадцать. Они всей семьей поехали на море и сделали эту фотографию. Папа сгорел на солнце и его плечи были ярко красными, мама аккуратно завернулась в, ядовитой расцветки, парео. Виталик был ещё мокрый, он не успел просохнуть после моря. Он практически целый день не вылезал из воды и ради этой фотографии его едва ли не за шиворот вытащили с воды. Женька накинул на плечи полотенце, он вышел с воды немного раньше Виталика, и каким-то образом умудрился замерзнуть. Они стояли на фоне моря, а по бокам немного влезали в кадр люди.

Фотография, на которой ему было двадцать. Он обнимал Женю за плечи на фоне все той же школы. Теперь это был выпускной его брата и тот улыбался, немного щурясь, потому что солнце светило ему прямо в глаза. Рубашка немного перекрутилась из-за хватки Виталика на плече, а волосы растрепались и топорщились.

Виталик остановился. Он был на этой фотографии ещё таким юный. Не было морщинки между бровей и одной глубокой, что пролегла у него горизонтально посреди лба. Он по-детски широко улыбался.

Женя был такой нелепый, худой и с шаловливой улыбкой. Он помнит, как светились его карие глаза на солнце – они казались золотистыми. Он мечтательно говорил, что поступит в лучший университет, а потом смеялся и говорил, что не зря же он столько учил. Из-за солнца, что падало на лицо Жени, его веснушки казались особенно яркими. Если при обычной освещении они были почти незаметны, то на этой фотографии они были ярко рыжими пятнышками.

Виталик сделал один шаг. Последняя фотография. Ему на ней двадцать четыре. Он сидит между родителями на диване, совсем как на самой первой фотографии, только на фоне нет ковра. И Жени нет. Он обнимает родителей за плечи и они улыбаются в камеру.

Он повзрослел и его улыбка не такая как прежде. Появилась морщинка между бровей, она не пропадает даже, когда он улыбается. Отец постарел, как и мать.

Мужчина резко выдохнул, отворачиваясь и пошел в ванную мыть руки. Все было таким родным и одновременно чужим. Нереальным. Как будто он очередная игрушка, какой-то избалованной девочки и она нашла его среди кучи других игрушек и решила поиграть, поместив в новый кукольный домик.

Вода зашумела в трубах, а потом с напором полилась с крана. Виталик задумался, совершенно не следя за своими действиями, так много раз он это делал. Он так погрузился в себя, что даже не был уверен мыл ли он руки с мылом или нет и мыл ли вообще.

Опершись на раковину руками, он сделал несколько глубоких вдохов, прикрыв глаза.

«Ты чего? Есть пошли!»

Виталик не любил ездить домой. Как бы его не мучала совесть за это, он должен признать, он не любил встречаться с родителями. Этот дом и они были живыми напоминаниями о Жене. Все было таким знакомым, что он знал, чтобы тот сказал, но было таким чужим из-за того, что эти слова звучат только в его голове.

Он смотрел на отца и думал, что точно такого цвета глаза у Жени. Ему хотелось спросить, где тот пропадает и когда уже выйдет к своему любимому старшему брату. Он смотрел на мать и видел те же суетливые движения. Он смотрел на эти стены, они совсем не поменялись. Он смотрел на стол, еду, ковер. Все было тем же. По этому ковру ходил его брат, за этим столом они ели. Эта квартира была как точка в пространстве, которая зависла в прошлом и существовала бесконечным воспоминанием. Она не давала ему жить дальше. И его ужасало то, как живут его родители. Как они могут каждый день проходить мимо его комнаты? Как могут садиться за этот стол и не спрашивать: «чего это он так долго не выходит?».

Виталик бы не выдержал.

Он жил в другом районе, общался с другими людьми и его мир изменился до неузнаваемости. Но когда он возвращался в этот подъезд, в эту квартиру, то не мог увидеть эти изменения. Это место осталось прежним, а весь мир продолжает двигаться в своем ритме.

Виталик громко вдохнул, пытаясь успокоиться, и судорожно выдохнул. Так и должно быть. Чтобы с нами не случилось, мир не меняется. Меняемся мы и теперь мы видим его по-другому. Когда-то для него эта квартира было светлым местом, теперь это кукольный домик. Теперь этот маленький уютный домик не приносит ничего кроме болезненных воспоминаний.

Он вышел к столу как раз вовремя. Отец наконец-то убедил мать, что все нормально и ничего больше не нужно приносить, а если кому-то что-то и нужно тот сам сходит. Разумеется, она возмущалась, говоря, как так, если она хозяйка, но за стол села.

– Котлетку будешь? – заботливо спросила мама, когда Виталик сел. – А салатик? Мясо хорошо, но зелень тоже нужно. Давай я тебе картошки наложу.

– Мам...

– Отстань от сына, – засунув в рот половину картошки, сказал отец, – он сам разберется, что хочет. Себе наложу.

Они в традициях обычных семей наложили себе полные тарелки и за едой вели веселые разговоры. Вилка Виталика неприятно заскрежетала о дно тарелки, но на этого не было слышно, поскольку отец громко рассмеялся с очередной истории с его работы.

– А девочку нашел? – хитро прищурившись, спросила мама.

– Мам! – весело, с напускным возмущением, воскликнул Виталик, а отец в очередной раз засмеялся.

«Мам, ну какая ему девочка? Ты посмотри на него! Кто ж на такого поведется?»

– А правильно, – закивал отец, – мать дело говорит. Когда женишься, оболтус?

«Я быстрее женюсь, чем он»

– Все работа, – Виталик натянул улыбку и слотнул ком, – некогда даже, чтобы знакомиться.

– А ты найди время, – сказал отец, запихнув в рот салат, – я же время нашел. Хотя тоже работал.

– У тети...

– Мам! – на этот раз устало воскликнул Виталик, – Никаких дочек твоих подружек.

– А почему нет? – искренне удивилась женщина.

«А правда, чего нет? Это твой последний шанс, страшила»

– Ну мам, – протянул страдальчески Виталик и женщина рассмеялась, спрашивая не доложить ли ему картошки.

В дверь позвонили и они все замерли. Казалось, они даже перестали дышать. Виталик с горечью подумал, что ведь они все думают об одном и замирают ли его родители точно так же

каждый раз. Каждый раз рождается что-то глубоко в душе, а сердце болезненно замирает? Или это только у него? Не могут же они каждый раз рождаться и умирать в течении шести лет с каждым звонком в дверь. Это невозможно.

– Пойду открою, – бросила женщина, тут же убегая к двери.

Отец и сын замерли, вслушиваясь в торопливые женские шаги. В то как щелкнул дверной замок и голоса. Это длилось вечность, а потом мать вернулась натянуто радостно сказав, что соседка заходила.

А внутри Виталика что-то оборвалось. Они чувствуют это каждый раз?

– Чего хотела? – спросил отец, уткнувшись взглядом в тарелку.

– Предупреждала, что штормовое предупреждение. Дождь вот-вот начнется и до самого утра будет лить как из ведра.

– Сына, тебе, похоже, придется остаться у нас на ночь, – бросил отец, одним махом выпивая рюмку.

– Я могу такси вызвать, – предложил Виталик и последовал примеру отца, выпивая рюмку и тут же скривился.

– Ну какое такси? – как-то устало возмутилась мать, – Побудешь у нас одну ночь, а утром уже к себе поедешь. Ты к нам целый год не приезжал, так что даже не думай, что сможешь сейчас уехать, молодой человек.

Дальше разговор был ленивым и размеренным. Казалось, этот звонок в дверь вытянул из них все силы. Потому родители довольно быстро измотавшись поторопились ложиться спать. Виталик, несмотря на усталость, ложиться не хотел. Казалось, когда он говорит с родителями, когда горит свет, он ещё может сопротивляться чувствам, но, когда этого не станет не станет его тоже.

Но родителей он останавливать не хотел, те были измождёнными и обессиленными настолько, что даже согласились на то, что он уберет со стола и помоеет посуду. Хотя прежде никогда ему не разрешали, после того, как он начал жить отдельно.

Когда Виталик закончил свет горел только на кухне. Родители уже отправились спать, а за окном стемнело. По стеклу били крупные дождевые капли и иногда черное небо расчерчивала кривая вспышка молнии.

Он помыл руки и вытер их полотенцем, краем глаза замечая ярко зеленые яблоки на столе в небольшой корзинке. Такие любил Женя.

«Ты чего ещё не спишь? – зевнул, а потом громко откусил от яблока. – Поздно уже»

Виталик развернулся, пытаясь не смотреть на яблоки и не включая света, чтобы не мешать родителям, и пошел по коридору. Шаги замедлялись, а возле знакомой двери и вовсе он остановился. Не мог заставить себя сделать ни шагу. Осторожно, как будто боясь чего-то, он толкнул дверь и та приоткрылась. Окно выходила на улицу, где ярко светил фонарь, и Виталик мог разглядеть очертания предметов. Он неуверенно зашел и закрыл за собой дверь. Он всматривался в тени и глубоко вдохнул запах нежилой комнаты. Он нерешительно нажал на выключатель.

Свет был слишком ярким и он, как будто, прогнал наваждение. Вот кровать, на которой лежит плед. Видно коробку, что под кроватью, там Женя хранил разные мелочи. Фотографии, блокноты, памятные вещи, ракушки. Шкаф немного приоткрыт и можно заметить криво висящую футболку. На столе полу-списанная ручка, а на темной столешнице не до конца выведенное пятно.

Когда-то у Жени за этим самым столом потекла ручка. Он помнит, как тот вышел из комнаты с удивленно-испуганными глазами, и руками перепачканными синей пастой. В пасте была половин лица и даже язык, а ведь ему постоянно говорили, чтобы он не грыз ручку.

Виталик неуверенно подошел к столу и прикоснулся к пятну, немного поскреб его ногтем, но то въелось в древесину. Это единственное доказательство той истории. Пятно и его память.

Так странно, подумал Виталик, что в конечном итоге оказывается, что человек живет только в твоих воспоминаниях. Что он существует только там и больше нигде. Больше такого нет и никогда не будет.

Мужчина устало сел на кровать, склонив голову. Дверь тихо скрипнула и Виталик немного поднял голову, как будто та весила тонну.

В дверях стояла мать. И в этот момент Виталик понял, что она чувствует тоже самое. Что квартира и весь мир стали чужими. Она прикрыла за собой дверь и, потушив свет, осторожно села рядом, но кровать все равно скрипнула.

– Здесь все так же... – тихо сказал Виталик.

– Я не могу, – она сделала глубокий вдох, – что-то изменить. Мне кажется, что он вот-вот придёт.

Казалось, с темнотой они могли говорить откровенно, как будто та сохранит их секреты.

– Прошло шесть лет, – это не было порицание.

– Но ведь его не нашли.

«Ты хотела сказать тело, – с горечью подумал Виталик, – Ты хотела сказать, что не нашли тело.»

– Люди ведь не могут просто раствориться, как будто их никогда и не было в этом мире.

«Оказывается, могут.»

От колыбели до могилы

Алина смотрела в потолок вслушиваясь в размеренное посапывание рядом спящего мужа. Потолок казался сероватым и на нем причудливо вырисовывались тени от веток рядом растущего дерева.

Часы показывали без пяти шесть – ей пора было вставать. Было слишком много запланированных дел. Они повторялись изо дня в день, стали неотъемлемой частью её быта. Ей не приходилось составлять ежедневники или списки дел. Алине иногда казалось, что она живет в Дне Сурка.

Она повернула голову и посмотрела на Максима. Солнце ещё не встало и в полумраке, когда не понятно вечер сейчас или же утро, ей приходилось шуриться, чтобы рассмотреть его лицо.

Она всматривалась в лицо мужа, и оно казалось ей чужим. Как будто она не видела его так давно, что оно начало стираться из памяти. Или же, что она студентка, которая после бурной вечеринки проснулась с кем-то смутно знакомым.

Они видят друг друга каждый день, но все равно Алину молчаливо преследует чувство, что у них чудовищно не хватает времени друг на друга. Алина, едва прикасаясь, провела пальцем по щеке мужа. Та немного кололась от отросшей за ночь щетины.

Но когда Максим выйдет к завтраку его лицо будет гладким, правда, будут выделяться несколько красноватых порезов. Они всегда с левой стороны, практически возле подбородка, а иногда бывает, с той же левой стороны, но у крыла носа.

Он всегда бреется перед завтраком, чтобы не доставлять неудобства ей, когда привычно чмокнет в щеку, и Наде. Он обнимает её каждое утро и прижимается щекой к щеке. Это их негласная приветственная традиция. Наде только шесть и у нее по-детски чувствительная и нежная кожа, а Максим заботливый отец.

Алина немного улыбнулась. Когда она смотрела на такого своего мужа: сонного и домашнего, где-то в груди теплело. Прошло уже много лет, которые для неё были мгновением, а она все так же безумно влюблена в Максима.

Они познакомились летом, после школы и были уверены, что они отличные друзья. Теперь у них по обручальному кольцу и Надя.

Алина опустила взгляд на руку своего мужа, на поблескивающее золотое обручальное кольцо. Иногда, оно немного сползло и можно было разглядеть светлую полосу кожи под ним.

Алина уверена, Максиму никогда не приходили в голову мысли об измене. И даже если бы он снял кольцо, белая полоса кожи светилась бы упреком. Но Максим был слишком идеальным для измены и иногда, несмотря на всю свою любовь к нему, Алина чувствовала себя рядом с ним отвратительно. Он был таким совершенным, недостижимым. Ей казалось, что она оскверняет его своими приземленными страстями и недостатками.

Она боялась, что кто-то разоблачит её.

Взгляд зацепился за черное пятно таймера на запястье мужа. Такой есть у каждого, цифры на нем бесконечно сменяют друг друга, пока в один день не загорится чередой нулей. Каждый раз, когда она смотрела на время отведенное Максиму, она хотела спрятать свой таймер, как доказательство своей лживости.

Его время сократилось на десять лет после рождения Надежды, стронно-иронично противореча данному имени. Врач сказал, что такое часто бывает. Переутомление и недосып урезают отведенный срок.

Максима как будто это вовсе не тревожило. Он всегда мечтал о детях и продолжает мечтать. Он часто заявляет, что хочет пятерых.

Когда родилась Надя он работал, чтобы обеспечить свою дочурку всем необходимым. Он брал дополнительные смены и подработки и казалось получает от работы удовольствие из-за осознания, что это ради Нади.

Он приходил измотанным, едва волооча ноги, часто не успев даже пообедать, а было уже не меньше десяти вечера и, поцеловав жену, шел к Наде и, казалось все его силы возвращались. Он играл с ней, укладывал спать, баюкал и кормил, забыв о себе.

Максиму отводилось ещё тридцать два года. Он занимался спортом, пытался правильно питаться. Он делал все возможное, чтобы таймер на руке замедлил свой ход.

Но бывает, ты умираешь, даже если у тебя в запасе ещё не один десяток лет. Неожиданно для самого себя принимаешь какое-то решение, к примеру, пойти в бар после работы, вместо того, чтобы вернуться домой. И тогда тебе остается лишь наблюдать как года превращаются в недели или часы.

Ужасно то, что часто нет дороги назад. Ты не можешь понять, что же именно сделал не так. Ты просто сделал один шаг, такой же как вчера, по тому же пути, а времени стало меньше.

Пару лет назад Алина шла по улице и отведённые ей сорок пять лет в мгновение сократились до пяти. Она замерла посреди улицы, глядя на свое запястье, а вокруг сновали люди, иногда её толкая, а Надя дергала её за рукав. Но она не могла отвести взгляда от часов.

Но иногда таймер спасает жизни.

Она, едва не забыв о Наде, за что после себя ненавидела, сорвалась домой, тут же набирая номер Максима. Она излишне внимательно смотрела по сторонам, обращала внимание на любую мелочь, как будто ей отводилось не пять лет, а несколько минут и она пыталась узнать причину своей преждевременной кончины.

Надя плакала, капризничала и не хотела ехать. Она цеплялась за Алину и говорила, что та обещала, что они пойдут в зоопарк. Алина даже не помнит, как дала своей дочери подзатыльник и плачущую затащила в такси, опять набирая номер мужа.

Тот не отвечал, и Алина нервно кусала губы, отгрызая сухую корочку, до солоноватого привкуса во рту и едва ли не плакала от бессилия. Когда Максим наконец-то ответил она облегченно выдохнула, как будто уже была спасена.

Заикаясь и глотая слова, она рассказала о случившемся. Таксист вежливо молчал и даже не просил успокоить надрывающуюся в плаче Надю, у которой покраснело от натуги все лицо. Девочка, захлебываясь словами повторяла, что хочет к папе, а мама плохая.

Максим приехал всего лишь спустя пять минут, после того как Алина и Надя перешагнули порог дома. Надя уже успокоилась и не рыдала, только всхлипывала и бросала на мать обиженные взгляды.

Но в тот момент Надя только раздражала Алину, хотелось отвесить подзатыльник сильнее, чтобы наконец-то Надя куда-то ушла и не мелькала рядом. Это было не впервой, но в этот раз вспышка раздражения была такой силы, что Алине показалось, что она способна едва ли не убить свою дочь. Та постоянно капризничала и что-то требовала и Алина в этот момент, за что после ненавидела себя, искренне желала, чтобы её дочь просто исчезла.

В младенчестве Надя постоянно плакала. Она не давала спать ни Максиму, ни Алине. Максим спокойно вставал по ночам и укачивал дочурку, напевая колыбельную.

Казалось, его совершенно не волнует отсутствие сна и не раздражает детский плач.

Алина утыкалась лицом в подушку, крепко жмуря глаза, стараясь игнорировать раздражающий детский плач.

Алина не могла понять, что хочет Надя. Казалось, та плачет лишь для того, чтобы плакать, и чтобы Алина не сделала та продолжала вопить. Девочка выросла, а её нрав не менялся.

Надя росла до ужаса капризной, она постоянно что-то требовала. Постоянно говорила, что хочет к папе, могла бросить тарелку с едой на пол, если ей что-то не нравилось и постоянно требовала внимания, времени, красивых вещей. Всего-всего-всего.

Максим с отцовской любовью называл на Надю принцессой, а Алина мысленно, с какой-то злостью, думала о том, что та по-настоящему избалованная принцесска. Алина не прекращала попытки донести до Максима, что тот излишне балует дочь, но казалось, он за своей слепой отцовской любовью не видит проблемы.

Лишь, когда Алина была в обществе своей подруги – Кристины, ей казалось, что она сбрасывает вечно сковывающие её тяжеленные кандалы неуверенности в себе, раздражения, неудовлетворенности и разочарования.

Кристина была её коллегой, они познакомились и сдружились благодаря работе. Она была женщиной тридцати лет, но поразительно молодо выглядящей. Кристина курила, завивала темные волосы и читала Достоевского. У неё был громкий смех и лукавые темные глаза.

Кристина всегда была в центре внимания и принимала его со снисхождением. Она, с небрежным изяществом и пухлыми губами накрашенными алой помадой, смотрелась выигранно даже на фоне совсем молодых девушек.

Максим всеми силами пытался скрыть свою яркую антипатию к Кристине, но он не был способен на ложь или игру в симпатии. Его выдавало напряженное выражение лица, застывший взгляд и еле заметно искажавшаяся полоса губ.

Все его существо осуждало эту женщину, и он искренне не понимал, как его добрая и милая жена могла общаться с Кристиной.

Даже в том, как он произносил её имя была доля пренебрежения. Он часто говорил «та Кристина» или же «твоя подруга», как будто в звучании её имени уже было что-то оскорбительное для него.

Алина Кристиной восхищалась. Она была благодарна всем и вся, что эта женщина была её подругой.

Кристина была тем единственным, что Алина была не способна принести в жертву ради семейного счастья.

Кристина была такой, какой хотела бы быть сама Алина, но никогда бы не осмелилась. Она не осмеливалась даже признаться в этом себе. А Кристина, казалось, все понимает. Улыбалась немного снисходительно и по-доброму смотрела, рассказывая что-то, иногда отпивая красное вино и поигрывала туфлей на высокой шпильке, покачивая её на пальцах ноги.

Алине казалось, что она по-настоящему свободна, она та, кем является на самом деле лишь когда была наедине с Кристиной.

Без ребенка, что постоянно дергает за руку или же хныкает. Пропадает сутулость, которая, казалось, стала неотъемлемой. А скромная, едва заметная улыбка, превращается в обворожительную улыбку молодой женщины.

Когда же она возвращается к Максиму Алина вспоминала себя с неловкостью и стеснением. Обычно, она обвиняла во всем вино, из-за которого она становилась такой, как после ей казалось, нелепой. Потому она позволяла себе выпить лишь в компании своей подруги. И лишь тогда пропадала её скомканость движений, и она расслабленно-небрежно выравнивала спину и накручивала прядь волос на палец.

Возможно из-за этого Алина казалась сама себе лицемерной. Ей казалось, что она смотрит на себя в какое-то кривое зеркало, а по утрам, подобно клоуну, наносит грим.

Её попытки объединить эти две грани себя приводили к неудачам. И она предпринимала такие попытки лишь когда была немного пьяной, как будто забывала всю свою неуверенность и страхи. Когда в её крови не оставалось ни грамма алкоголя она как будто не находила смысла объединить эти две грани. Однажды вечером она сидела у зеркала, спиной к Максиму, она

несколько часов назад вернулась со встречи с Кристиной, потому не могла бороться со своим стремлением поведать мужу о жизни Кристины, позабыв о антипатии того к этой женщине.

Через зеркало она видела, как её муж переворачивает подушку, поправляет одеяло и тогда, полная одушевления, она решила поведать то, что Кристина ей сегодня рассказала. Она всеми силами пыталась сделать свой голос безразличным, чтобы не выдать своего восхищения.

– Помнишь Энди? – безмятежно осведомилась Алина, поглядывая на мужа через зеркало. Тот повернулся к ней и слегка нахмурился, задумавшись.

– Парень твоей подруги?

– Да, – Алина кивнула.

Эндрю был американцем и у него была невеста до того, как он встретил Кристину. Она путешествовала по Европе, не задерживаясь ни в каком городе дольше чем на неделю. Она флиртовала с местными мужчинами, ходила на выставки картин, а по вечерам сидела в небольших пабах, пропитанных культурой этой страны и города. Они с Эндрю познакомились в таком пабе и уже на второй день у них начался роман. Они рванули в какой-то курортный городок с теплыми морскими водами, жарким солнцем и небольшими деревянными домиками. Эндрю даже не сообщил своей невесте о расставании, та узнала от какого-то третьего лица, а Кристина отправила, перед тем как отключить телефон, сообщение своему мужчине, что остался ждать её на родине, о том, что они расстанутся.

Они были безумно влюблены, напоминая парочку из романтической комедии. Их ночи, как в фильмах, были горячи, а утром они лениво валялись в постели обнимаясь и громко смеялись над глупыми шутками. Они ходили под руку по вечерней пристани и встречали рассветы на пляже.

Их роман продлился три сказочных месяца. Два они провели в беззаботности, а третий был наполнен ожиданием и томлением. В начале третьего месяца Кристина отправилась на родину, а Эндрю спустя пару дней полетел за ней. Но он не мог оставаться дольше, чем на несколько дней. Так произошло несколько раз.

– Кристина бросила его.

Она рассказала это сегодня, в полутемном помещении паба, где огонек её сигареты светился подобно светлячку. Она говорила о том, что безумие, что охватило её, испарилось и больше смысла в этом она не видела. То, что было потрясающее в их отношениях – сказочная-беззаботность разбилась об реальность и портить воспоминания глупыми попытками сохранить отношения разрушило бы даже сладостный трепет ностальгии.

Максим саркастично хохотнул, и Алина дернулась, выныривая из своих воспоминаний и удивленно посмотрела на мужа через зеркало.

– Ради кого на этот раз? – с неподдельным весельем, осведомился он, – Какой-то уличный художник или музыкант? Ей же так нравятся неординарные личности! А нет-нет, наверное, поэт. Художник рисовал бы её обнаженной и называл бы это искусством, а поэт бы называл бы её своей музой.

– Нет, – отложила расческу Алина, немного поджимая губы, как будто оскорбленная этими словами, – не ради кого-то.

– Ладно, давай не будет о ней, – Максим вернул привычную мягкую улыбку на свое лицо, злая ухмылка странно неестественно искажала его мягкие черты, – лучше иди ко мне. Не хочу говорить о Кристине. Мы ведь знаем, что в конце она окажется у разбитого корыта.

Алина улыбнулась, но ей казалось, что улыбка застыла, как на портрете Моны Лизы.

– Да, ты прав.

Алина несколько раз моргнула, стараясь сбросить сонливость и воспоминания. Она поднялась с кровати, та еле слышно скрипнула от её движения, и накинула на плечи махровый, темно-синий халат.

Женщина, старалась не шуметь, пока шла на кухню, чтобы не разбудить дочь и мужа. А когда в коридоре наступила на куклу, сцепила зубы, чтобы не воскликнуть. Пластмассовая ручка колола куда-то в пятку.

Алина множество раз говорила дочери не разбрасывать свои игрушки, но та не слушала. А когда на них закономерно кто-то наступал и те ломались Надя впадала в детские, шумные истерики. Она падала на пол, кричала и плакала, говорила, что сломали её любимую игрушку и Максим каждый раз ей покупал новую. Его совершенно не волновало, что у Нади вся комната была завалена игрушками, как в сказке про антилопу дворец был завален золотом.

Алина сердилась на себя из-за этого, но это вызывало у неё лишь раздражение, она не испытывала ни капли жалости к своей дочери. Она не могла избавиться от мыслей, что Надя всего лишь манипулирует ними, ещё не понимая, что делает. Ей казалось, что она ужасная мать из-за этих мыслей и чувств. Она пыталась вызвать у себя сочувствие и нежность к своему ребенку, улыбалась и гладила по волосам, но это не помогало. Внутри была пустота или же обжигало раздражение.

Она громко положила куклу на тумбу, но тут же вздрогнула от шума, что самолично создала. Прислушалась к тишине и только когда убедилась, что никто не проснулся, пошла на кухню.

Алина закрыла за собой дверь и пошла к холодильнику. Взялась за ручку в намерении открыть, как замерла. Каждый раз, каждое утро, взгляд цеплялся за магнетики на холодильнике. Первый был с пейзажем Греции. А рядом блистала Италия.

Алина была до безумия влюблена в древнюю Грецию, а особенно она любила их мифологию. Под её кроватью было несколько толстых талмудов о Греции, и она с опьянением перечитывала их.

Она впадала в детский восторг от мысли, что может побывать в Афинах. Ей казалось, что так она сможет стать частью великой истории. Она находила что-то завораживающе в том, чтобы ступать по земле, на которой когда-то возрастали грозди темного, сочного винограда, по этой земле ходили воины с тяжелыми мечами в ножнах, философы собирали толпы. Прекрасные девушки в светлых платьях убегали в храмы, посвящая себя служению богине.

Второй её мечтой была Италия. Множество виноградников, вина, сыра и пиццы. Маленькие улочки, яркие домики. Она представляла это все кукольно-сказочным.

Алина купила эти магниты четыре года назад, в каком-то маленьком магазинчике полном безделушек. Когда она смотрит на эти магниты, ей кажется, что она ближе к жаркому солнцу, к теплomu вину и тяжелому воздуху. Она ближе к своей мечте.

Четыре года назад магнитов было три. На третьем была изображена Китайская стена. Побывать возле этого гигантского, древнего каменного сооружения было ещё одной заветной мечтой Алины. Когда она смотрела на эту большую каменную змею, что ползла между гор и равнин она не могла не восторгаться силой и упорностью людей. Ей нравилось представлять те времена, когда она только возводилась.

Когда она слышала звон на кухне то прибежала мгновенно. Её дочь, держа в одной руке куклу, спокойно стояла над осколками магнита. Надя даже не пыталась сделать вид, что была не виноватой и это вызывало у Алины ещё большую злость. Надя безучастно стояла, а возле её ног валялись осколки, на одном Алина разглядела часть Китайской стены. Ей хотелось надавать пощёчин, но она молчала, хмуро глядя.

– Ну как же так? – заботливо спросил Максим зайдя на кухню. Он подхватил дочурку на руки, – Ты не порезалась? Нужно их убрать, опасно же. Дорогая, уберешь осколки?

Но Алина уверена, что скоро её мечта осуществится.

Она родилась в самой обычной семье, и они не могли себе позволить поехать ни в Грецию, ни в Китай с Италией.

После того как она вышла замуж за Максима, у них, как у молодой семьи денег практически не было. Приходилось ограничивать себя в каких-то привычных вещах, а думать о путешествиях и вовсе не было смысла.

А после появилась Надя и стало не хватать не только денег, но и времени. Но недавно они ездили в Египет, они поехали, как только появилась возможность, а дочурка достаточно подросла.

Это было чудесно. Для Алины это было сказочно настолько, что она просто не замечала какие бы то ни было недостатки этой поездки. Они всей семьей загорали на пляже и даже поехали на экскурсию, но им пришлось вернуться, потому что Наде стало плохо на жаре.

В том году они должны были поехать в Грецию, даже думали оставить Надю у родителей, несмотря на истерики дочери, но, к сожалению, не сложилось. Но Максим клятвенно обещал, что в этом году они точно поедут в Грецию.

У неё совсем скоро отпуск, всего через полгода. И Алине казалось, что это такая мелочь по сравнению со всеми теми годами, когда она просто мечтала о красоте других стран.

Алине казалось, что, если её мечта исполнится, то круг, в котором она застряла разорвется. День Сурка наконец-то закончится. Та жизнь, которой она живет сейчас закончится и начнется та, в которой она счастлива. Но сейчас, она не знает, что может изменить. От того продолжает каждое утро собираться на работу, одевать дочь, готовить завтрак. Все привычно и осточертевши.

Она, как и каждое утро, быстро чмокнула мужа в щеку, она схватила небольшую сумку и пожелав мужу хорошего дня, как делала до этого бесчисленное количество раз, пошла в прихожую.

Надя сидела в гостиной на диване, её ноги болтались, а в руке она держала свой ботинок. Она отклеивала липучку на нем, а после вновь приклеивала и все это сопровождалось мерзким скрипучим звуков. Она была так увлечена своим занятием, что, казалось, даже не заметила, что Алина ушла.

Каждое утро Алина ездила на работу на метро. Каждый раз – по дороге туда и по дороге назад, она попадала на час пик. Она ненавидела эти поездки, но странно любила пятиминутную дорогу до метро от своего дома.

Она специально медленно шагала, смотря в лица мимо проходящих, куда-то спешащим людям. Те от этого казались сконфуженными. Вечерами, когда Алина возвращалась с работы она специально шла самым долгим путем. Делала целый круг, проходя вдоль парка и школы. Особенно она любила прогулки летними вечерами. Когда раскалённая за день земля остывала, и ты наконец-то, вдыхал прохладных воздух.

Алина работа в офисе и начиная с поздней весны и все лето у них работали кондиционеры и вентиляторы. Но, казалось, они лишь разгоняют пыль и песок, а воздух оставался все таким же раскалённым.

Они обязаны ходить на работу одетые в деловом стиле и на светлой рубашке Алины, как и у прочих сотрудников, всегда остаются влажные пятна пота. На столе стоят салфетки и она протирает ими лицо, но капли пота тут же выступают вновь. Она одевает узкую черную юбку и чувствует, как из-за пота промокает даже та.

Но в последнее время она начала ловить себя на постыдных, как она сама считала, мечтаниях. Когда она шла на работу или шла домой она представляла как уедет в какой-то небольшой городок в пустыне, где-то в США. Она плохо знала географию, потому этот городок был для неё таким же воплощением фантазии, как если бы она представляла Атлантиду.

Она думала, что он находится где-то в Калифорнии. Рядом нет ни морей, ни рек. Летом ужасающе жарко и кондиционеры работают на полную мощность. Девушки там обязательно ходят в коротких джинсовых шортах, а Алина работает барменом в небольшом старомодном баре. Там будут постоянные посетители – мужчины тридцати лет в ковбойских шляпах.

Самое постыдное в этих мечтах было то, что в них не существовало ни Максима, ни Нади. Там у неё совсем другое имя, она включает старый рок и флиртует с мужчинами, но никогда ничего не обещает. Там у неё нет квартиры, которую купили в ипотеку, и нет постоянных отношений и она даже не думает их заводить.

Алина спустилась по ступенькам на станцию метро. Привычно у желтой линии толпились люди, толкаясь и пытаясь пробиться поближе к ограждающей линии, чтобы после первыми заскочить в вагон. Алина же отошла подальше, сегодня как-то особенно остро чувствуя нежелания быть здесь.

Где-то далеко шумел колесами поезд и до них долетел этот звук. Обрывки чужих разговоров, пиликанье турникетов, еле слышная музыка с чужих наушников.

Алина посмотрела на часы, что висели на стене. Те были непропорционально большими, круглыми, белые с толстыми черными стрелками, напоминающими жирных черных червей, которые медленно, как-то лениво ползли.

Она успевала на работу.

Под часами была приклеенная такая популярная сейчас надпись: «у тебя ещё есть время все исправить». Несколько лет назад они произвели настоящий «бум», став хитами продаж и залогом безбедности для автора этой простой идеи. В мире где ты видишь результат своих ошибок – твоё время сокращается в мгновение, в мире где люди помешаны на ошибках и времени такая надпись стала гениальным торговым трюком.

Алина ненавидела эти надписи. Она была с тех, кто был уверен, что от нас почти ничего не зависит. Она не была приверженцем идеи судьбы, но Алина была уверена, что сколько бы ты не бился, стараясь «все исправить» это будет сравнимо с тем, как бьешься об стену.

«И потому ты решила ничего не делать?», – всплыла из памяти фраза Кристина.

Приехал поезд, останавливаясь со скрипом. Ветром её волосы откинуло в сторону, и она подняла руку, чтобы убрать их с лица. Они щекотали губы и щеки. Алина придержала волосы и начала заходить в вагон вместе с толпой. От девушки рядом разлило духами, от чего начало горчить на корне языка, и Алина опустила голову.

Дверь вагона закрылась. Алина зашла одной из последних, потому стояла у самой двери. Поезд немного качнувшись двинулся с места, несколько человек отступило, а несколько навалилось на Алину. Она повернулась лицом к двери, упершись рукой на стекло, чтобы не упасть.

Они ехали по мрачному туннелю, едва помещаясь в маленьком для такого столпотворения, вагоне. Алина видела свое отображение в стекле двери. Наклейка «не прислоняться» закрывала её отображению глаза, как закрывает цензура преступникам лица по телевизору.

Вагон качнулся и Алина больше навалилась на дверь. Рукав её блузки слегка съехал, открывая взорам таймер. Какой-то парень стоящий рядом, скучающе и как-то отупело смотрел на него и Алина быстро, едва не упав, поправила рукав.

Поезд остановился на следующей станции и Алина прошла в глубь вагона. Пока набивались ещё люди и становилось ещё более тесно она смотрела в окно. Чье-то плечо мешало нормально рассмотреть станцию.

Странно было то, что она уже несколько лет ездит каждый день по этому маршруту, но до сих пор не видела куда можно попасть, если выйти на этой станции. Ей даже не удавалось ни разу нормально рассмотреть саму станцию. Она видела только парочку скамеек и висящие практически под самым потолком часы.

Под ними красовалась та же фраза.

Кристина говорила, что Алине неуместно говорить о неправильности этой фразы и тем более не ей говорить о ненависти к ней. Это было действительно так. Ведь Алина была с тех, кто пытался исправить все пока есть время.

Она металась пока её время не истекло в тот раз, когда её время сократилось до пяти лет. Абсурдным было то, что предрекающий смерть таймер стал её спасением.

Она и Максим не сдавались пока врачи не сделали всевозможные анализы, не удовлетворившись дежурным «отклонений нет». Благодаря этому у неё появилось ещё несколько десятков лет про запас. Ей смогли диагностировать болезнь на начальной стадии.

Лечение было быстрым и безболезненным. Алина не признавалась в этом даже себе, но, в некоем роде, она была разочарована. Когда она вернулась с больничного, практически первое, о чем с ней заговорила Кристина – это переоценка приоритетов. Она говорила о том, что, когда человеку удается победить смерть он много что переоценивает, начинает заниматься тем, о чем всегда мечтал. С Алиной же ничего такого не было. Она как будто не смогла прочувствовать близкого приближения смерти. И вскоре это превратилось в одно из множества воспоминаний.

Алина бросила уставший взгляд на экран под потолком. Там висел небольшой экран, на котором высвечивались станции, а в самом уголке светились небольшие циферки времени.

Она едва сдержалась усталый вздох. Ей нужно было ехать ещё пол часа, как минимум. Она мысленно взмолилась, чтобы это время прошло как можно быстрее. Она поглядывала на время каждую следующую станцию, как будто надеялась, что от того оно пойдет быстрее.

Но поезд приехал к её станции, как и обычно, спустя лишь полчаса. Она облегченно вздохнула, когда прозвучал барахлящий голос, сообщающий её станцию. Алина вышла с вагона с толпой, которая подхватила её, подобно волне. Как только они вышли, в вагон зашла следующая толпа, которой нужно было ехать ещё дальше.

На секунду она сбилась с привычного шага. Но быстро его восстановила, вместе с толпой выходя из метро.

В том, как люди сменяют людей в вагоне, вызвало у неё отголоски каких-то мыслей. Она даже не могла их разобрать, но они вызвали горечь. Ей захотелось сделать шаг в сторону, чтобы выйти из толпы. Но ей нельзя опаздывать на работу. А дома её ждет муж и ребенок. Ей нужно приготовить им ужин.

Все в их мире подчиняется времени. Даже их шаги напоминали один большой механизм. Алине казалось, что, если закрыть глаза и слушать шаги толпы, в которой она шагала, она сможет представить, что это секундная стрелка отбивает ритм. Они все пытались не сбиваться спеша куда-то. У каждого в этой толпе, наверняка, светилось черное не меньше десятка лет, но они все спешили. Им не хватало времени.

Она скупающе скользнула взглядом по афишам, что всегда было так много в метро, пока стояла на ступеньке эскалатора. Алина немного повернула голову, разглядывая заинтересовавшую её афишу, но спустя несколько метров она повторялась и теперь девушка смогла нормально её рассмотреть.

На яркой афише, за которую так и цеплялся взгляд, были изображены музыкальные инструменты, а в центре улыбаясь стоял молодой мужчина, имя которого была в самомверху крупными буквами.

У Алины была парочка его песен на телефоне, она бывает слушает его, когда готовит ужин или убирает. И она тут же воодушевленно загорелась мыслью пойти на концерт. Наверняка она попадет в толпу, но та почему-то не воспринималась так остро негативно, как толпа в метро, которую она переживает каждый день.

Девушка разочарованно вздохнула, когда увидела день концерта. В этот день она едет с мужем и Надей к свекрови. Они оговорили все ещё месяц назад и она просто не может не поехать. У той будет День рождения, и они уже купили ей подарок, выбирал, разумеется, Максим.

Алина чувствовала себя потерянным ребенком в супермаркете во всем, что касалось её свекрови. У неё даже не было мыслей, что может быть нужно этой женщине. Для Алины она была как стереотипный придаток и она даже не рассматривала её как самостоятельную личность. Для неё она ограничивалась званием «свекровь».

Впрочем, Алина тоже не пользовалась особой любовью у матери своего мужа. Та говорила с ней с каким-то пренебрежением, но никогда не высказывала своего предвзятого мнения ей в лицо. От того Алина даже не знала, чем не угодила женщине. Чем-то конкретным или просто своим существованием.

Но Надю она любила. Всегда целовала в румяные щечки и ласково называла «Наденька».

Алина поджала губы, она проехала афишу, будь её воля она бы променяла поход к све-крови на концерт. И не важно, что она не была фанатом этого исполнителя. Её приводила в восторг одна мысль о том, чтобы петь какие-то слова из песен вместе с толпой, прыгать и кричать на особенных моментах. Но для женщины её возраста такое поведение недопустимо.

Дальше висела красочная реклама какого-то телефона с зазывной надписью о рассрочке и самой низкой цене. Но цена и вовсе не была низкой. Алине бы пришлось полностью отдать несколько своих зарплат, если бы она пожелала купить такой телефон.

Реклама курорта с красивой девушкой с идеально откорректированным в фотошопе телом. Реклама часов, которые блестели своими золотыми ремешками. Они красовались на запястье красивого мужчины в идеальном костюме и с восхитительной улыбкой.

Алина работала в отделе рекламы. Кому как не ей понимать смысл всего этого? Система потребителей. Каждый из людей, что едет с ней – это кошелек. А их задачи сделать такой слог и картинку, чтобы выманить у них как можно больше денег. Внушить мысль, что им необходима очередная дорогушая, по сути бесполезная, вещь.

Она проскользнула взглядом по толпе. Ей казалось, что их лица сливаются в одно сплошное ничего. Как на фотографиях, когда ты размываешь фон. И только сейчас она заметила, что на ступеньке ниже стоит молодая девушка, которая говорит по телефону.

Алина бросила на неё взгляд через плечо. Лицо у той было искажённо какой-то мукой, как будто она страдала от постоянных ноющих болей. У той были розовые волосы, короткий топ, открывающий впалый живой, плечи, руки и декольте.

У них принято скрывать запястья. Время твоей оставшейся жизни казалось чем-то личным, но эту девушку как будто это вовсе не волновало. Она не отвлекалась от телефона, а её голос, на удивление, в отличии от выражения лица, был спокойным, даже холодным.

– Я тоже так думаю, – говорила она.

Девушка замолчала, Алина понимала, что она слушает, что говорит ее собеседник.

– Прекрати, – сказала девушка, а её губы задрожали, – так бывает. Любовь заканчивается.

Вновь наступила тишина и Алина со смущением поняла, что стала свидетелем расставания. Но большую неловкость она чувствовала от того, что стала свидетелем «той стороны». Голос был непоколебимым, но лицо оставалось полным страдания. И Алине казалось это чем-то до невозможности особенным и личным.

– Заткнись, больше не хочу говорить, – сказала девушка, прервав разговор.

Как только это произошло она сдавленно вздохнула, и Алина подумала, что эта девушка заплачет, но она устала пустым взглядом на стену, как будто действительно интересовалась содержанием множества ярких афиш.

Алина боковым зрением увидела что-то мелькнувшее и опустила взгляд на запястье девушки. Черный браслет цифр в одно мгновение сократился до семнадцати минут. Это был первый раз, когда она могла наблюдать такое стремительное обрывание чье-то жизни. Она с ужасом смотрела на тикающий таймер, не в силах отвести взгляда.

Этой девушке осталось семнадцать минут?

Впрочем, почему это её должно волновать? В мире каждую секунду умирает четыре человека. Каждую секунду. Но она никогда не чувствовала из-за этого такого ужаса, как сейчас, когда видит секунды, что утекают водой сквозь пальцы.

– Чего нужно, тетенька? – Алина дернулась от холодного голоса девушки.

Та заметила, что на её время бессовестно пялятся, как на собственный таймер Алины недавно пялился какой-то парень. Но девушка казалась совсем спокойной, как будто не ей вовсе оставалось жить семнадцать минут.

Она даже не вздрогнула, когда увидела таймер, а Алина горделиво отвернулась, как и все.

Она вышла с эскалатора и её дальше понесла толпа. Она обернулась, стараясь рассмотреть девушку с розовыми волосами, но та растворилась, не оставив за собой и следа.

А если я последняя, кто заметил её перед смертью, с ужасом подумала Алина, вздрогнув от этой мысли. Она находила что-то ужасающее в том, чтобы быть последним кому человек скажет хотя бы слово. В этом было что-то, что напоминало разговоры с призраками. Так же жутко, оставляющее холодок на коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.